

АМУРСКОЕ КОЛХОЗНОЕ КРЕСТЬЯНСТВО (1946—1965 гг.)

Татьяна Павловна СТРЕЛЬЦОВА,
старший преподаватель Дальневосточного
государственного аграрного университета, г. Благовещенск

В послевоенные годы колхозники Приамурья (самый большой отряд дальневосточного крестьянства, от которого в первую очередь зависело производство сельскохозяйственной продукции в регионе), как и во многих других районах страны, оказались в тяжелых условиях. Их уровень жизни зависел от доходов, получаемых от оплаты труда в общественном хозяйстве, и от работ, выполняемых в личном подсобном хозяйстве. При этом оплата труда колхозников в общественном хозяйстве осуществлялась выдачей на трудодни зерна, картофеля, овощей, животноводческой продукции и т.д. и деньгами. Она имела и существенные недостатки. «Трудодень был величиной неопределенной, его оплата была построена не из расчета по количеству произведенной продукции, а по отдельным видам работ: пахота, боронование, посев, уход за культурами и т.д.»¹ Следовательно, трудодень не отражал конкретного количества труда или времени, затраченного колхозником на единицу продукции, что не могло не породить произвола и формализма колхозных администраций.

Следует отметить, что распределению по трудодням подлежал лишь остаток произведенной в колхозе продукции. Осуществлялось такое распределение только после выполнения всех государственных планов и заданий. Денежные доходы в первую очередь направлялись на погашение налогов, на производственные и административно-хозяйственные нужды, отчислялись на пополнение неделимых фондов и только после этого шли на оплату трудодней.

К концу четвертой пятилетки в колхозах РСФСР фонд оплаты труда составлял лишь 22,9% от денежного дохода, еще меньшим он был в районах Нечерноземья — 14,8%, на Дальнем Востоке — 9,6%, в том числе в Амурской области — 9,1%². Испытывая финансовые затруднения, руководители многих хозяйств области, поставленные перед фактом обязательности выполнения хлебопоставок государству, вынуждены были уменьшать и этот фонд. Они решали многие колхозные проблемы за счет перераспределения денежных доходов колхозов в пользу капитальных, производственных и административно-хозяйственных затрат, урезая отчисления денежных доходов колхозов на оплату трудодней.

В Амурской области отчисления от денежных доходов в счет оплаты трудодня в 40—50-е годы были более чем в два раза ниже общесоюзной нормы и составляли не 60—70%, как это устанавливалось Уставом сельскохозяйственной артели, а только 30%. В отдельные годы отчисления в счет оплаты трудодня были еще меньшими. Так, в 1951 г. из 122,4 тыс. р. денежного дохода амурских колхозов оплата трудодня составила лишь 11,7 тыс. р. (10,3%)³. Следует отметить и другую неблагоприятную тенденцию: возрастание денежных доходов колхозов не приводило к значительному росту отчислений в счет оплаты трудодня. Так, общая сумма денежных доходов колхозов с 1948 по 1965 г. возросла более чем в 6 раз, а отчисления от денежных доходов в счет оплаты трудодня — менее чем в два раза. В таком распределении денежных доходов необходимо усматривать не только «злой умысел» и финансовую изворотливость руководителей

колхозов, но и учитывать объективные обстоятельства — экономическую слабость многих хозяйств.

В решениях Амурского облисполкома 1951 г. указывалось, что многие колхозы имеют ограниченные доходы, в ряде случаев испытывают финансовые затруднения. Они ежегодно берут ссуды у государства, вследствие чего имеют большую кредитную задолженность, которую не погашают на протяжении нескольких лет. В то же время некоторые колхозы впадали в другую крайность — они направляли все поступающие средства от денежных доходов на их погашение и тем самым лишались средств на реализацию программ экономического и социального развития⁴. Испытывая серьезные финансовые затруднения, многие хозяйства неспособны были оплачивать трудодни в соответствии с затратами труда. По этой причине в Амурской области с 1946 по 1950 г. оплата трудодня и денежная, и натуральная практически не росла. В среднем она составляла 0,8 кг зерна и 1,2 р. за трудодень и была самой низкой на Дальнем Востоке.

Оплата труда продолжала оставаться низкой и в последующие годы. Так, в начале 50-х годов в среднем хозяйствами области на трудодень выплачивалось 2,4 кг хлеба и 1,07 р. деньгами, что свидетельствовало о незначительном росте оплаты трудодня и только его натуральной части. Причем она существенно отличалась по районам и хозяйствам области. В 1952 г. выплата на трудодень по районам Амурской области колебалась от 4 до 5 кг зерна в самых передовых районах, таких как Тамбовский и Константиновский, в самых отстающих районах — Селемджинском и Желтулакском — она составляла от 0,1 до 0,8 кг. Существенно различалась по районам и денежная оплата трудодня. Так, в Благовещенском и Константиновском районах она составляла 2,2—2,4 р., в то время как в северных районах, наименее развитых в сельскохозяйственном отношении, Селемджинском и Кагановическом, — 0,1—0,3 р.⁵ Оплата трудодня зависела прежде всего от экономических зон и состояния хозяйств.

Ситуация с оплатой труда амурских колхозников стала изменяться к лучшему лишь во второй половине 50-х годов, когда, учитывая изменившиеся экономические возможности хозяйств, ЦК КПСС и Совет Министров СССР (в марте 1956 г.) приняли постановление «О ежемесячном авансировании колхозов и дополнительной оплате труда в колхозах». После выхода этого постановления в Амурской области на авансирование трудодня одним из первых перешел колхоз «Красный орден», впоследствии известный как колхоз «Приамурье» Тамбовского района. По его примеру начали внедрять авансирование колхозы «Рассвет» и «Прогресс» Константиновского района, «Амурский партизан» Тамбовского района. Однако это были лишь единичные случаи. Массового распространения авансирования в колхозах области сразу не произошло. В 1957 г. из 371 хозяйств 110, т.е. более трети, осуществляли оплату труда колхозников по-старому, не прибегая к ежемесячному авансированию. Некоторые хозяйства увязывали его с фактическим поступлением ежемесячных доходов⁶. В колхозах Завитинского, Бурейского, Серышевского и Шимановского районов нарушались правила — наряду с выдачей ежемесячного денежного аванса деньги выдавались по отдельным запискам, без учета выработанных трудодней⁷.

Большинство хозяйств области стало переходить на ежемесячное авансирование колхозников по трудодням с 1958 г. В последующие годы все колхозы открыли в Госбанке текущие счета, с которых регулярно получали деньги. Однако введение гарантированной денежной оплаты труда колхозников не во всех хозяйствах сопровождалось ростом оплаты трудодня. Статистические материалы финансовых органов Амурской области свидетельствуют о том, что

в 1957 г. наибольшая денежная оплата в среднем на один трудодень была в колхозе «Приамурье» Тамбовского района (6 р. 15 к.) и в колхозе «Россия» Константиновского района (5 р. 70 к.), соответственно 44 и 36%, а в колхозе «Сталинское знамя» Свободненского района всего 13%⁸. Неравномерность оплаты трудодня по хозяйствам оставалась до конца 50-х — начала 60-х годов. В 1959 г., неблагоприятном из-за последствий наводнения (предыдущего года), наибольший размер выдачи денежного аванса имели колхоз «Приамурье» Тамбовского района и колхоз им. Кирова Благовещенского — более 4 р. на трудодень. Самый низкий аванс (1 р.) имели колхозы «Родина» Ивановского района и «Большевик» Белогорского⁹. Разница и в оплате труда зависела от выполняемой работы: более высокая у колхозной администрации, специалистов сельского хозяйства, наиболее низкая — у рядовых колхозников, выполнявших самый тяжелый труд (доярки, скотники, пастухи).

Несмотря на эти различия, в 1950-е годы произошли существенные изменения в оплате труда амурских колхозников. Средняя денежная оплата трудодня по области с 1953 по 1959 г. выросла с 2 р. 11 к. до 4 р. 05 к., т.е. почти в 2 раза¹⁰. В ходе обследования бюджетов колхозников было установлено, что в 1957 г. 5% колхозов получали в среднем на один трудодень от 1,01 до 3 р., 14,9% — от 3,01 до 5 р. и 21,4% колхозов — от 5,01 до 6 р.¹¹ По отдельным хозяйствам эти показатели были еще выше. Одновременно денежная оплата трудодня росла, а натуроплата его уменьшалась. Только с 1956 по 1958 г. в большинстве хозяйств области она уменьшилась с 2,5 до 1 кг зерна¹².

Снижение натуроплаты трудодня являлось закономерным для всех районов СССР и было вызвано ростом денежных доходов колхозов, совершенствованием организации труда и производственных отношений. В соответствии с ростом денежной оплаты трудодня возрастали доходы на колхозную семью. Так, если в 1956 г. в среднем на одну семью приходилось по трудодням 3776 р., то в 1957 г. уже 4130 р., в 1958 г. — 4962 р.¹³ Однако, несмотря на то, что оплата труда колхозников в общественном хозяйстве возросла и стала осуществляться в денежном эквиваленте, колхозник продолжал получать значительную часть доходов и от труда в личном подсобном хозяйстве: 20% денежных доходов поступало в бюджет колхозной семьи от продажи скота и 16% — продуктов земледелия, что вместе составляло 36%¹⁴.

В конце 50-х — начале 60-х годов государство стало проводить целенаправленную политику финансово-экономической поддержки колхозов и материального стимулирования труда колхозников. В соответствии с Постановлением Совета Министров РСФСР от 17 августа 1961 г. в колхозах, совхозах и других сельскохозяйственных предприятиях создавались фонды премирования колхозников за высокие производственные достижения и давались рекомендации по дополнительной оплате их труда: по сое и подсолнечнику выплачивать до 30% стоимости сверхплановой продукции, по кукурузе, возделываемой на зерно, — 20%, по крупяным культурам — до 50%¹⁵. Эти и другие меры государства, а также инициативы и усилия местных властей, направленные на совершенствование оплаты труда колхозников, в конечном итоге способствовали не только решению экономических проблем (подъем сельского хозяйства), но и социальных — прежде всего росту денежных доходов семей. Согласно аналитическим запискам по итогам обследования бюджетов семей колхозников в 1961 г. из всего дохода одной семьи денежные поступления от участия в колхозных работах составляли 1929 руб., от продажи сельхозпродукции с личного подсобного хозяйства — 995 руб.; в 1963 г. соответственно — 2301 и 723 руб.¹⁶

Однако, не отрицая очевидности роста оплаты труда колхозников, все же следует признать, что она в сравнении с другими категориями населения (рабочими промышленных предприятий, некоторых служащих) и в эти годы продолжала оставаться низкой. В конце 50-х годов совокупный доход большинства колхозных семей составлял не более 2/3 от средних заработков рабочих совхозов и менее половины от зарплаты рабочих промышленности. Колхозники продолжали оставаться низкооплачиваемой категорией и в последующие годы. В 1965 г. средняя заработная плата в сельском хозяйстве Амурской области составила 101,6 р., в то время как в промышленности — 157,9 р., в строительстве — 121,3 р., в областном аппарате — 111 р. и была ненамного выше, чем в таких отраслях, как просвещение, здравоохранение и культура¹⁷. В экономически слабых хозяйствах она была ниже среднего показателя по отрасли. Так, в 1962 г. в 12 колхозах области оплата труда составляла 50 р.¹⁸

В связи с введением новых условий оплаты труда на промышленных предприятиях по Постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР и ВЦСПС от 19 сентября 1959 г. среднемесячная заработная плата рабочих строительных организаций возросла на 31,3%, лесной и деревообрабатывающей промышленности — на 30,9%, легкой промышленности — на 28%, пищевой — на 18%, тогда как среднемесячная заработная плата работников сельского хозяйства увеличилась лишь на 8,2%¹⁹. К тому же у колхозников в отличие от рабочих промышленных предприятий, совхозов и служащих до конца 50-х годов отсутствовала статья доходов от пенсионного обеспечения по старости, которое вводилось только за счет колхозных фондов²⁰. Возможности же каждой сельскохозяйственной артели были разными. При отсутствии централизованного выделения средств экономически слабые хозяйства не могли обеспечить своих работников пенсиями, оплачиваемыми отпусками и больничными листами.

Однако не следует забывать, что в эти годы источниками доходов колхозной семьи являлись не только денежные выплаты колхозов и средства, полученные от личного подсобного хозяйства, но и бесплатные услуги. За счет общественных фондов колхозники получали бесплатное образование, медицинское обслуживание, пользовались библиотеками. Дети колхозников воспитывались в колхозных детских садах и яслях. Малоимущие слои населения — инвалиды, семьи погибших фронтовиков, дети-сироты, престарелые колхозники — получали материальную помощь из касс взаимопомощи, создаваемых на средства колхозников и некоторых колхозов, перечислявших им до 1% денежного фонда, предусмотренного статьей 11 Устава сельскохозяйственной артели²¹. Таким образом сами колхозники, продолжая вековые традиции сельской общины, брали на себя функции перераспределения денежных средств для поддержки малоимущих, социально не защищенных слоев деревенского населения.

Для осуществления объективной оценки изменений, происшедших во второй половине 40-х — первой половине 60-х годов в материальном положении колхозного крестьянства, необходимо обратиться не только к доходам колхозной семьи, но и к анализу их расходов. В определении уровня жизни колхозного крестьянства не менее важен вопрос потребления материальных благ. Материалы обследования бюджетов колхозников свидетельствуют о том, что у большинства членов колхоза 68,3% от всех бюджетных средств расходовалось на покупку одежды и обуви, 20,4% — на приобретение продуктов, 6,4% уходило на лечение, путевку в санаторий — 4,9%. В то же время каждый крестьянский двор расходовал более 10% своих бюджетных средств на приобретение акций и облигаций, уплату налогов и страховых платежей. Важной статьей расходов

колхозников были затраты на поддержание личного подсобного хозяйства: покупку скота, птицы, семян, различного инвентаря и строительных материалов. На культурные нужды расходовалось только 1,7% от всех доходов семьи колхозника. Согласно все тем же бюджетным обследованиям колхозных семей в структуре приобретений промышленных товаров наибольший удельный вес занимали расходы на покупку готовой одежды — 29,3%, тканей — 18,3%, обуви — 15,0%, мебели и предметов домашнего обихода — 5,4%, штучных изделий из тканей — 4,5%, культтоваров — 14,0%, трикотажных изделий — 3,5%, строительных материалов — 4,5%²².

Вследствие низких денежных доходов колхозники на протяжении 40—50-х годов могли удовлетворять свои потребности только в промышленных товарах первой необходимости, покупая их в государственных и кооперативных торговых организациях. Лишь в 60-е годы в бюджете колхозной семьи увеличались расходы на покупку часов, швейных машин, мотоциклов, велосипедов, радиоприемников и других ценных вещей. В это время в сельскую местность пришло и телевидение.

Тратя основные доходы на товары промышленного производства, питаться колхозник вынужден был в основном за счет личного подсобного хозяйства. В первые послевоенные годы питание колхозников было скудным и однообразным — преобладали картофель, хлеб, молоко, овощи. Многие колхозники на столе крайне редко имели мясо, сало, сметану, яйца. И совсем малое количество семей (в редких случаях) потребляло крупы, сахар, рыбу и фрукты. Во второй половине 40-х годов в среднем на одну душу в месяц приходилось 14,2 кг муки (хлеба), 23,3 кг картофеля, 715 г крупы, 3,6 кг овощей, 10 кг молока, 1,3 кг мяса, 3 яйца и незначительное количество таких продуктов, как растительное и животное масло, рыба, сахар и кондитерские изделия. По таким видам продуктов, как хлеб, крупы, овощи и мясо, потребление на душу населения составляло лишь 80—90% от уровня предвоенного 1940 г.²³

Во второй половине 50-х — начале 60-х годов структура питания постепенно улучшалась. В связи с ростом доходов колхозной семьи в их рационе уменьшается количество картофеля, хлеба, растительного масла и увеличивается потребление мяса, животного масла, яиц, сметаны и сахара. Однако потребление многих важных продуктов продолжало отставать от физиологических норм: муки — на 40%, молока — на 30%, картофеля — более чем в 2 раза, мяса, рыбы, творога, сметаны, сахара и кондитерских изделий меньше чем в 2—3 раза. Даже увеличение скота в личном подсобном хозяйстве не привело к заметному потреблению мяса колхозниками — оно оставалось меньшим, чем у рабочих промышленных предприятий (в 1958 г. потребление мяса несельскохозяйственным населением на душу составляло 26,6 кг, а колхозниками — только 25,6 кг)²⁴. Это свидетельствует, что в питании колхозников по-прежнему был дефицит белковых продуктов, а консервы, фрукты, рыба, кондитерские изделия являлись деликатесами.

Таким образом, структура питания колхозников в эти годы изменялась к лучшему, но медленно. Колхозная семья вследствие ограниченности бюджета и плохого снабжения товарами сельских магазинов тратила минимум средств на покупку необходимых продуктов в торговой сети. За счет личных подсобных хозяйств по-прежнему удовлетворялись основные потребности в питании колхозников.

В то же время уровень жизни колхозника зависел и от социально-культурного обслуживания сельского населения. За годы войны социально-бытовая инфраструктура амурской деревни оказалась в состоянии запущенности

и разорения: отсутствовали бани, общественные столовые, пекарни, магазины. В первые послевоенные годы жилой площадью в пределах установленных норм было обеспечено лишь 50% сельского населения. До 1953 г. в среднем на одного колхозника приходилось 7,4 кв. м жилой площади — это ниже общей полезной площади в расчете на одного жителя РСФСР²⁵. Как правило, они жили в маленьких деревянных домах с печным отоплением, без каких-либо коммунальных услуг, и только половина из них имела электрическое освещение²⁶.

Жилищные условия колхозников Амурской области стали улучшаться во второй половине 50-х годов, когда после решений XX съезда КПСС, уделившего особое внимание проблемам колхозного строительства, и выхода в свет постановления ЦК КПСС 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР» стало увеличиваться производство и отпуск стройматериалов для села, расширялась сеть межколхозных строительных организаций²⁷. Такие меры правительства способствовали оживлению жилищного строительства в Приамурье: в 1957 г. из 125 млн. р., выделенных на строительство в сельском хозяйстве, более 50 млн. было израсходовано на возведение жилых домов и культурно-бытовых учреждений.

В годы шестой пятилетки в области вводились в действие жилые дома, построенные колхозами, межколхозными строительными организациями и индивидуально колхозниками общей площадью 298 тыс. кв. м, в 2,5 раза больше, чем в предшествующей пятой пятилетке²⁸. Но уже в последующие годы (седьмой пятилетки) темпы строительства значительно снизились, выделение средств на жилье стало уменьшаться. Так, в 1961 г. на эти цели было выделено 6270 тыс. р., а в 1965 г. в два раза меньше — 3 125 тыс. р.²⁹ В первой половине 60-х годов из-за недостатка строительных материалов и финансовых средств планы ввода жилой площади по колхозам и совхозам области выполнялись лишь на 70—80%. Непоследовательная политика жилищного строительства на селе привела к тому, что в середине 60-х годов в Амурской области удалось лишь частично снять остроту жилищного вопроса, но не разрешить его полностью. По причине необустроенности, в том числе жилищной, только за 1959—1961 гг. выехали из области 1300 переселенцев, или 31% к числу прибывших, в районах Белогорском, Бурейском, Завитинском за это время выбыло от 43 до 53% всех переселенцев³⁰. Плохие жилищные условия являлись причиной большой текучести кадров, особенно специалистов сельского хозяйства.

Запросам селян не отвечали и социально-культурные условия жизни. Следует отметить немаловажное обстоятельство, что для жителей амурской деревни в трудные послевоенные годы одинаково важными оставались как забота о выживании, т.е. хлебе насущном, так и благоустройство сельских населенных пунктов. Даже в первый послевоенный год в повестку работы сессий многих районных и поселковых Советов депутатов трудящихся включался вопрос об улучшении социально-культурного обслуживания сельских жителей. Положение дел в этой сфере вызывало озабоченность как районных, так и областных органов власти. За годы войны в амурской деревне из-за скудного финансирования, плохого материального снабжения и отсутствия специалистов значительно сократились учреждения системы образования и здравоохранения.

В послевоенные годы эта тенденция сохранялась. За период 1946—1950 гг. количество начальных школ в сельской местности сократилось с 677 до 659, средних — с 21 до 18; общее количество школ уменьшилось с 779 до 765³¹, они не являлись типовыми, а размещались в ветхих зданиях, не отвечавших санитарно-гигиеническим требованиям, либо в крестьянских избах (занятия в большинстве школ велись в 2—3 смены), не хватало учебников, тетрадей и других

школьных принадлежностей. Отсутствие нормальных условий для работы школ, дефицит квалифицированных учителей приводили к низкой успеваемости, второгодничеству и отсеву учащихся.

Бюро Амурского обкома КПСС и Амурский облисполком отмечали, что школы области в первые послевоенные годы не выполняли закона о всеобщем. К началу декабря 1945 г. школу не посещало около 1 тыс. детей³². В докладной записке Амурского обкома КПСС секретарю ЦК ВКП(б) т. Маленкову указывалось, что в 1949 г. в школах области было введено обязательное семилетнее образование, однако, несмотря на это, число детей, не охваченных обучением, и отсев учащихся из школ продолжали оставаться высокими. До начала 50-х годов в сельской местности Амурской области было более 7 тыс. чел. неграмотных, что составляло 2,4% к общей численности сельского населения³³.

В запущенном состоянии оказалось и медицинское обслуживание. За годы четвертой пятилетки в Амурской области количество врачебно-амбулаторных поликлинических учреждений сократилось с 85 до 41, врачебно-стационарных — с 57 до 53. В 1946 г. в сельских медицинских учреждениях работали 59 врачей и 678 чел. среднего медицинского персонала³⁴. Недостаток медицинских кадров сказывался на качестве медицинских услуг, что приводило к высокой заболеваемости и смертности, особенно детей.

После войны не в лучшем состоянии оказались и культурно-просветительные учреждения области. В 1946 г. на 504 колхоза и 56 МТС приходилось 13 Домов культуры, 50 клубов, 280 изб-читален, 67 сельских библиотек. Во многих районных центрах отсутствовали Дома культуры, клубы или избы-читальни³⁵. Большая часть культурно-просветительных учреждений размещалась вместе с правлениями колхозов и сельскими Советами³⁶. Многие из них не имели мебели и элементарного оборудования, в то же время выделяемые средства из бюджета на приобретение оборудования и инвентаря, зачастую расходовались не по назначению³⁷. В работе культурно-просветительных учреждений имелись серьезные недостатки: кинообслуживание сельского населения проводилось нерегулярно, в некоторых селах Михайловского, Кумарского, Мазановского, Советского районов колхозники не видели кино по 3—4 месяца.

Не менее проблематичным оказалось радиофицирование сел. До середины 50-х годов в Амурской области не были радиофицированы 247 колхозов, 8 МТС, 1 совхоз и 28 отделений совхозов³⁸. Большое количество радиоточек не работало из-за отсутствия в продаже громкоговорителей. В целом эти и многие другие недостатки в работе культурно-просветительных учреждений были вызваны отсутствием профессиональных кадров. В 1946 г. в селах Амурской области не хватало более 80 культпросветработников³⁹.

В 50-е годы состояние школьного образования, медицинского обслуживания, культурно-просветительной работы среди сельского населения Приамурья стало постепенно улучшаться. Заместитель председателя облисполкома В. Колесов в статье, опубликованной в Амурской правде в 1958 г., писал: «Труженики села требуют расширения сети семилетних и средних школ, стационарных киноустановок, детских учреждений, больниц. Колхозники-переселенцы одни из первых задают вопрос: а есть ли в вашем селе семилетняя школа, клуб, детский сад, общественная баня, и отказываются переселяться в те колхозы, где нет этих учреждений»⁴⁰.

Подъем колхозного производства и рост благосостояния тружеников села повысили, потребность в расширении сети социально-культурных учреждений и улучшении качества оказываемых услуг. В эти годы появились большие

возможности для развития социально-культурной инфраструктуры амурской деревни. Многие колхозы области, экономически окрепнув, стали строить социально-культурные учреждения за счет собственных средств. Так, только за годы шестой пятилетки на колхозные средства было построено общеобразовательных школ на 2565 мест, детских садов на 1160 мест, ясель на 885 мест, клубов и Дворцов культуры на 9630 мест, больниц на 72 койки⁴¹.

Приобщение колхозников к культуре зависело не только от количества культурно-просветительных учреждений. Результаты социологического исследования, проводимого среди жителей амурской деревни, свидетельствуют о том, что колхозники работали от «зари до зари» и не имели времени на культурный досуг: 1/3 из числа опрошенных ответила, что времени для досуга у них не было совсем.

На более конкретный вопрос «Как часто вы ходили в кино?» 33,3% опрошенных ответили: лишь изредка, 31,4% посещали кино раз в неделю, 13,5% — ходили в кино раз в месяц, остальные затруднились ответить. Опрос показал, что если у амурских селян и находилось свободное время, они общались с друзьями на танцах в клубе. И лишь небольшая часть, преимущественно интеллигенция, свободное время проводила за чтением книг и журналов.

На вопрос: «Где вы проводили отпуск?» — 37% опрошенных ответили «за работами в личном подсобном хозяйстве», 27,1% респондентов «отдыхали дома», 15,4% — совершали поездки, навещая родственников, и только 8% селян изредка отдыхали в санаториях, а 0,6% совершали туристские поездки. Большинству же ежегодный отпуск был недоступен.

В эти годы жизнь колхозников заметно отличалась от жизни горожан. Главными источниками информации об окружающем мире были собрания, политинформации и лекции — на это указали свыше 50% опрошенных. Примерно третья часть получала сведения из разговоров с друзьями, слухов, и только 20% — из книг и журналов. Телевидение для рядового колхозника было недоступным.

В заключение следует отметить, что социально-культурные перемены, произошедшие в амурской деревне, — несомненно, значительные. И все же они не привели к существенным изменениям уклада жизни амурских колхозников. Хотя большую часть времени колхозник проводил в общественном хозяйстве, его заботы о личном подсобном хозяйстве не уменьшились. Он по-прежнему ставил на первое место своих ценностей получение дополнительных материальных доходов от труда в своем хозяйстве, оставляя мало времени культурному досугу, отдыху и образованию. Очевидно и другое: экономические условия жизни в деревне менялись быстрее, чем социально-бытовые и социально-культурные. Доходность колхозной семьи постепенно увеличивалась, но это не всегда приводило к соответствующим бытовым изменениям и удовлетворению культурных запросов.

Добиться значительного повышения материального уровня жизни колхозного крестьянства, устранения его социально-культурной отсталости в эти годы в полной мере не удалось. Относительность и противоречивость социально-культурных достижений были обусловлены тем, что в решении проблем развития амурской деревни отсутствовал комплексный подход. Партийно-хозяйственное руководство, пытаясь реализовать проект «большого скачка» в сельском хозяйстве, первоочередное внимание уделяло экономическому развитию колхозов и совхозов, недооценивая роль социальных факторов. Господство экономических взглядов на процессы развития деревни приводило к тому,

что из областного бюджета на социально-культурное развитие села выделялись средства значительно меньшие, чем на развитие производства. Собственных же финансовых средств на социально-культурное обустройство многие хозяйства области, особенно экономически слабые, не имели.

Такое положение дел в социальной сфере амурской деревни приводило к утечке кадров, низкой дисциплине и производительности труда, отчуждению колхозников от средств производства, а в конечном итоге оказывало неблагоприятное влияние на сферу производственной деятельности.

-
- ¹ Попов В.П. Российская деревня после войны (1945—1953 гг.): сб. док. М., 1993. С. 156.
- ² Иванов Н.С. Раскрестьянивание деревни (середина 40-х — 50-е гг.): судьбы российского крестьянства. Россия, XX в. / под ред. Ю.Н.Афанасьева. М., 1996. С. 427; ГАПК. Ф. 68, оп. 6, д. 175, л. 15; ГААО. Ф. 480, оп. 7, д. 752, л. 8.
- ³ ГААО. Ф. 480, оп. 6, д. 397, л. 12—13 об.
- ⁴ РГАЭ. Ф. 9476, оп. 1, д. 1166, л. 2.
- ⁵ ГААО. Ф. 480, оп. 7, д. 626, л. 38.
- ⁶ Там же. Ф. 114, оп. 2, д. 118, л. 4—5.
- ⁷ РГАСПИ. Ф. 556, оп. 1, д. 38, л. 70.
- ⁸ ГААО. Ф. 480, оп. 12, д. 12, л. 15.
- ⁹ Там же. Л. 3, 13, 56.
- ¹⁰ Там же. Ф. 310, оп. 1, д. 6869, л. 58.
- ¹¹ Там же. Ф. 480, оп. 12, д. 12, л. 13, 34; оп. 7, д. 626, л. 5, 24.
- ¹² Там же. Л. 7.
- ¹³ Там же. Л. 55.
- ¹⁴ Там же. Л. 65.
- ¹⁵ Там же. Ф. 114, оп. 2, д. 1760, л. 75.
- ¹⁶ Там же. Ф. 480, оп. 12, д. 12, л. 92.
- ¹⁷ Там же. Оп. 7, д. 1081, л. 1.
- ¹⁸ Там же. Д. 635, л. 188.
- ¹⁹ Там же. Оп. 12, д. 3а, л. 80.
- ²⁰ Сидоренко А.А. Подъем материального благосостояния дальневосточного крестьянства (1945—1959 гг.) // Сельское хозяйство и крестьянство Дальнего Востока СССР в период строительства социализма и коммунизма: сб. науч. тр. Хабаровск, 1984. С. 76.
- ²¹ РГАЭ. Ф. 9476, оп. 1, д. 1166, л. 132.
- ²² ГААО. Ф. 480, оп. 12, д. 12, л. 38.
- ²³ Там же. Л. 39, 63.
- ²⁴ Там же. Оп. 7, д. 659, л. 53.
- ²⁵ Там же. Оп. 12, д. 3, л. 48.
- ²⁶ Там же. Оп. 6, д. 1071, л. 60.
- ²⁷ КПСС в резолюциях, решениях съездов и конференций... М., 1985. Т. 9. С. 193—209.
- ²⁸ ГААО. Ф. 480, оп. 12, д. 12, л. 19.
- ²⁹ Там же. Ф. 114, оп. 2, д. 2166, л. 220.
- ³⁰ Там же. Ф. 480, оп. 12, д. 3а, л. 72.
- ³¹ Там же. Д. 3, л. 11—23.
- ³² Амур. правда. Благовещенск, 1946. 12 янв.
- ³³ ГААО. Ф. 480, оп. 6, д. 342, л. 1.
- ³⁴ Там же. Оп. 7, д. 815, л. 85.
- ³⁵ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 125, д. 472, л. 212.
- ³⁶ Там же. Л. 24.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ ГААО. Ф. 374, оп. 1, д. 726, л. 2, 4—5.
- ³⁹ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 125, д. 472, л. 212.
- ⁴⁰ Амур. правда. Благовещенск, 1958. 15 февр.
- ⁴¹ ГААО. Ф. 480, оп. 12, д. 3а, л. 72.

SUMMARY: Tatyana Streltsova in her article “The Amur Collective Farmers during the Post-War Years (1946—1965)” investigates social and social-cultural conditions the Amur villages were living in. The author thinks that nowadays when the reasons of failures of collective and Soviet farms are evident, one could find the ways of liquidating crises in modern Russian agriculture.